

У любого поэта, в каком бы стиле и направлении он ни работал, есть географическая привязка к конкретному месту, городу, региону, даже адресу. Феномен Кати Капович в том, что она принадлежит сразу двум топосам – в одном бытует её физическая ипостась, в другом сосредоточена подлинная жизнь, наполненная значимыми фактами, событиями, реалиями прошлого.

И, как это свойственно человеку мира, у неё сильно развито чувство солидарности, осознания духовного родства с собратьями по поэтическому цеху. В стихах много отсылок – и к авторам предшествующих эпох, и к своим современникам. А ещё, несмотря на свой весьма внушительный статус в литературном мире, Катя абсолютно лишена снобизма. Чувство довольно редкое и ценное, а для поэта и подавно. Она не выстраивает для себя ранжиров по степени известности, одарённости, влияния на окружающих. Для неё есть только один критерий – причастность к общей тайне. В этом смысле все поэтическое сообщество, а также сообщество читателей – одна большая семья, члены одного ордена.

Принадлежностью к разным культурным регионам объясняется и тот факт, что она ведёт непрерывный диалог с самой собой, как будто сама себе пишет письма из несоветского далёка. Когда читаешь её стихи – видишь двух героинь одновременно. Они смотрят друг на друга как будто с разных берегов одной реки, встретиться не могут, но при этом всегда рядом. Ту прежнюю Катю, уроженку Кишинёва, Катя нынешняя бережно несёт в себе, стоит, как вечный охранник, на страже памяти.

Именно память и всё, что связано с ней, становится осью координат, вокруг которой выстраиваются художественное пространство и время.

Без этой реставрации прошлого невозможно было бы сказать о самом важном, сокровенном. Между тем автор – реставратор настолько искусный, что каждая мельчайшая деталь быта у него оживает заново, и прошлое становится более осязаемым, зримым и осязаемым, чем сама реальность. В статье, посвященной новой книге Сергея Гандлевского «Счастливая ошибка», Капович сказала о его стихах так: их «при всём обилии деталей отличает сфокусированность текста на том, что стоит за деталями». То же самое можно сказать и о её собственной поэзии. Слово, внешне скупое и лаконичное, на самом деле многослойно и семантически амбивалентно. Оно не тождественно своему значению и является ментальным образом – указателем явлений иного порядка. За каждым понятием, конкретным явлением вещного, материального мира стоит ассоциативно-смысловое поле, делающее предметы значимыми лишь в определённом контексте. Нет просто стола или стула, морского побережья и раковины, пустой бутылки из-под пива и докуренной сигареты. Есть мельчайший фрагмент бытия, включённый в систему авторских координат, зафиксированное видимой формой воспоминание. Поэтому героине Кати Капович достаточно увидеть «щётку с волоском», чтобы потом нелепо разрыдаться. А по пяти жёлтым листьям берёз нетрудно восстановить картину осени: «и малости такой довольно мне, / чтобы увидеть осень в этом дне». Все прочие элементы излишни, и по-хемингуэевски немногословно автор бытописует, пишет свою автобиографию, извлекая детали и подробности из любого «сора», тщательно воссоздавая свой город неба. Кстати, именно так называется её новая книга стихов, вышедшая в издательстве «Эксмо» в этом году.

Превращая любое событие, явление, вещь в машину времени, Катя Капович с лёгкостью оказывается там, где была много лет назад, и потусторонним взглядом наблюдателя смотрит на себя со стороны. Так, обычный двор и простой резиновый мячик внезапно переключают её сознание в неясную область значений, и практически из воздуха, спонтанно, возникает образ незнакомца, стоящего на первозданном снегу. Но так ли уж он чужд лирической героине стихотворения, и не в нём ли периодически прорывается сквозь сдерживаемые эмоции и нарочито отвергнутую сентиментальность голос ностальгии? Эти моменты становятся точками катарсиса, прорывами в невозможное – в те области бытия, благодаря которым всё, о чём пишет автор, становится по-настоящему важным: «на баскетбольной на мокрой площадке / рыжий резиновый мяч, / Лбом приложись к проржавевшей оградке / он понапрасну горяч, / Где-то в уме это самое слово / словно иголка в стогу / там, где стоит человек незнакомый / на первозданном снегу».

О том, что по-настоящему дорого и ценно, говорить трудно. Здесь лучше использовать приём умолчания, показать нарочитую сдержанность, скупость, небрежность. Возможно, этим объясняется любовь автора к неточным рифмам, коротким фразам, назывным предложениям: «сейчас мне надо в мире самой малости, / чтобы увидеть всё в один момент: / в опилках пол, скамьи в четыре яруса / и с красными полосками брезент...».

Но почему-то очень легко, читая эти внешне простые стихи, совершать метафизическое путешествие из обыденного, повседневного, в общечеловеческое, отражающее жизнь не только автора, но и целого поколения людей. Ведь там, где преодолевается скромность и неловкость предельной откровенности, из этой самой малости рождается настоящая поэзия, живая человеческая история.

Образы в стихах Кати Капович всегда предельно точны, это мостики между скрытым и видимым, и с их помощью автор как будто хочет восстановить изначальную целостность мира в его непрерывных причинно-следственных связях. Поэтому всё сказанное обретает особую ценность и масштабность.

Так женщина, стоящая под душем, становится центром вселенной, а комната с дверью, обитой дермантином – отражением вселенского неблагоустройства: «над ватой безобразною снаружи / затягивайся дымом и молчи / весь мир тоскует миру ещё хуже / в летающей разодранной ночи».

Нельзя не влюбиться в эту поэзию, не проникнуться добрым и немного грустным обаянием улыбки «изнутри», «оттуда», тем сиюминутным мистическим прозрением, которое обнажает в человеке святое свойство его души – верность тому, что сохраняется на золотой изнанке памяти: «но если тщательно потрёшь меня, / То заблестит оттуда свет, / где ем смородину пригоршнями / На старой даче в 10 лет... / сквозь полстолетья, печки-лавочки, / внесу её на сквозняке, / отец увидит, вспыхнет ямочка / оттуда на его щеке...».

Пока живёт на свете хотя бы один человек, «которому не спится», который равнодушен к милым «жизни пустякам» и способен искренне радоваться «простому способу существования белковых тел», «чудной симметрии бытия и небытия», можно быть спокойным и уверенным в одном – у Кати Капович есть свой настоящий, преданный читатель. А, значит, хрупкое сообщество причастных тайне продолжит своё существование.